

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ВОРОНЕЖСКИХЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1 АВГУСТА.

№ 15

1906 ГОДА.

Изъ бесѣдъ съ прихожанами.

*Я свѣтъ пришелъ въ мѣръ, чтобы
всякій вѣрующій въ Меня не оста-
вался во тьмѣ (Іоан. 12, 46).*

Тяжелое время... Понятія перемѣшиваются, утрачивается различіе между добромъ и зломъ, между грѣхомъ и не грѣхомъ, между тѣмъ, что угодно Богу, и что нарушаетъ Его законъ.

Прислушайтесь и присмотритесь... Одинъ считаетъ дозволеннымъ то, отъ чего другой, при одномъ только представленіи объ этомъ, приходитъ въ ужасъ. Жизнь человѣка обезцѣнена... Честь, доброе имя человѣка и его семьи ста-

вится ни во что. Старшинство ни въ семьѣ, ни въ обществѣ не признается. Взаимная вражда, ненависть, озлобленіе...

Чѣмъ же возможно объяснить все это?

Конечно, каждый человекъ будетъ указывать причины этого по своему. Но мы съ вами, ученики и послѣдователи Христа, должны призвать одну причину: забыли люди Христа и Его ученіе, и всю мудрость стремятся почерпать только изъ ученій человѣческихъ. Мѣсто Евангелія въ сердцахъ и умахъ людей заняли писанія человѣческія, по свойственной уму человека слабости взаимно противорѣчивыя и даже взаимно разрушающія...

Отдавая дань времени, и мы съ вами забываемъ истинный свѣтъ, только при помощи котораго и можно разглядѣть, гдѣ есть истина, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ добро, а гдѣ зло,—забываемъ свѣтъ евангельскаго ученія. А безъ него намъ съ вами трудно разобраться во всемъ, что совершается вокругъ насъ: можно поскользнуться, ошибиться, пойти не туда, куда слѣдуетъ.

Поэтому вспомнимъ этотъ свѣтъ, будемъ дорожить имъ какъ ни съ чѣмъ несравнимымъ сокровищемъ. Каждый поступокъ, каждое слово наше, даже самое сокровенное движеніе сердца нашего, будемъ разсматривать при помощи этого свѣта и оцѣнивать ихъ по достоинству.

Съ тѣмъ же свѣтомъ будемъ подходить къ дѣламъ и словамъ другихъ людей, къ писаніямъ и ученіямъ человѣческимъ...

Насъ будетъ звать къ себѣ и тотъ и этотъ,—не пойдемъ ни къ кому, не будемъ называться ничьимъ именемъ. У насъ одно драгоценнѣйшее имя—Христосъ. Будемъ же только Христовы.

И только тогда мы можемъ и въ ученіяхъ и писаніяхъ человѣческихъ отличить хорошее отъ плохого. Будемъ только

справляться съ евангеліемъ, какъ бы спрашивая Самого Христа—что можно дѣлать, а что нѣтъ? на что рѣшиться, отъ чего воздержаться?

Правда, насъ могутъ за это не любить, поносить и злословить...

Но вѣдь и Христа поносили и злословили, даже били по ланитамъ, зашали и распяли на крестѣ...

Поносили, злословили и гнали и учениковъ Христовыхъ, и многихъ другихъ проповѣдниковъ Евангелія...

А самое Евангеліе?! Сколько ненависти, сколько злобы человѣческой обрушивалось на него!..

И что же? Христосъ побѣдилъ міръ, поборилъ сердца людей. Какъ ворабль о подводный гранитъ, разбивались всѣ ухищренія ума человѣческаго, направленныя на разрушеніе Евангелія. Тысячи книгъ появлялись на свѣтъ—прочитывались—и... забывались. Множество ученій, порожденныхъ умомъ человѣческимъ, жило нѣкоторое время, восхищало умы, цѣпляло сердца, и затѣмъ... умирало.

Только ученіе евангельское, только одна эта Книга книгъ, какъ маякъ на бурномъ морѣ, девятнадцать вѣковъ свѣтитъ человѣчеству.

Будемъ же твердо держаться этого маяка! За Христа, за Евангеліе пусть насъ поносятъ и порицаютъ; пусть даже гонятъ и преслѣдуютъ... А мы пребудемъ Христовыми, останемся вѣрными Евангелію до конца дней нашихъ.

Только со Христомъ, только при свѣтѣ Евангелія мы и можемъ съ вами разбираться въ окружающей насъ жизни безъ опасенія оскорбить и прогнѣвать въ своихъ словахъ и дѣлахъ Того, Чье имя мы носимъ т. е. Христа, Спасителя и Бога нашего. Аминь.

Священникъ *Влад. Левашевъ.*

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РѢЧИ.

Въ вѣсколькихъ номерахъ Воронежскаго Телеграфа за Юнь сего года сообщены свѣдѣнія о пастырскомъ собраніи, бывшемъ въ Воронежѣ въ этомъ мѣсяцѣ. Всѣ рѣчи, сказанныя въ немъ, переданы въ извлеченіи, кромѣ рѣчи священника Орловскаго. Ей отдано предпочтеніе, (напечатана въ подлинникѣ), — какъ «обратившей на себя серьезное вниманіе». Не могу думать, что рѣчи о. предсѣдателя, бывшаго долгое время ректоромъ семинаріи, нынѣшняго о. ректора, о. Т. Попова, г.г. преподавателей семинаріи, лицъ, близкихъ къ духовно учебному дѣлу, служившихъ и служащихъ ему, рѣчи именно по вопросу преобразованія семинаріи и духовныхъ училищъ, не пользовались серьезнымъ вниманіемъ пастырскаго собранія или же обратили на себя менѣе вниманія, чѣмъ рѣчь о. Орловскаго.

Читатели Воронежскаго Телеграфа остались бы при крайне одностороннемъ и невѣрномъ представленіи о пастырскомъ собраніи, если бы признали выдающееся значеніе рѣчи о. Орловскаго. Мѣсто этой рѣчи, мнѣ думается, болѣе приличное въ какомъ-либо митингѣ, или частномъ кружкѣ, гдѣ всѣ настроены и все направлено къ осужденію, порицанію, разложенію, а не въ пастырскомъ собраніи. Выраженіе рѣчи «клерикализмъ безусловно сильный ядъ» имѣетъ значеніе въ общественномъ собраніи гдѣ-либо во Франціи, но не въ русскомъ православномъ обществѣ. Есть ли ядъ въ клерикализмѣ, или нѣтъ; но онъ совершенно чуждъ русскому и въ частности воронежскому духовенству. Съ понятіемъ о клерикализмѣ соединена мысль о борьбѣ съ духовенствомъ и церковью. Не предъ пастырскимъ собраніемъ говорить о вредѣ клерикализма; здѣсь бы желательны рѣчи о прежнихъ и новыхъ, враждебныхъ русской церкви и служителямъ ея, си-

лахъ и явленіяхъ, о томъ, какія мѣры противъ нихъ, болѣе цѣлесообразныя, болѣе доступныя могли бы быть въ данное время приняты. Равнымъ образомъ, странно, совершенно неожиданно изъ устъ священника было слышать названіе семинарской реформы *постною* по тому предположенію, что воспитанники семинаріи должны ходить въ церковь, соблюдать посты... «А высокіе завѣты, восклицаетъ о. Орловскій, Христа о любви, о равенствѣ, о братствѣ? А наши мечты о всеобщемъ счастьѣ людей?» Нельзя же думать, что ему неизвѣстны внутренней смыслъ и великое значеніе церковной обрядности; что если и всякая школа, то тѣмъ болѣе школа духовная должна не только научить, но и приучить своихъ воспитанниковъ къ почитанію священныхъ дѣйствъ церковною молитвою, къ соблюденію заповѣдей Божіихъ и правилъ церковныхъ. Хорошіе наставники и воспитатели могутъ оживотворить въ питомцахъ своихъ обрядность церковную, могутъ весь строй жизни по уставу церкви постепенно сдѣлать удобопріемлемымъ и желательнымъ, возводить его въ потребность, навѣкъ и жажду духа, что и бывало и теперь, конечно, можетъ быть.

Какимъ образомъ достигать этого, вотъ о чемъ въ пастырскомъ собраніи желательно и было, и будетъ, и говорить, и слушать, а не о «нашихъ» мечтахъ, хотя бы и возвышенныхъ, но на вѣрѣ во святую церковь не основанныхъ, и на послушаніи ей не утверждающихся.

Священникъ Орловскій доходитъ до крайнихъ предѣловъ осужденія духовно-учебныхъ заведеній, желаетъ радикальной реформы ихъ. Онъ, повидимому, того мнѣнія, что всѣ въ этомъ съ нимъ согласны. Въ плохомъ состояніи школы онъ не считаетъ виновными ни учащихъ, ни учащихся, ни родителей. Впрочемъ и соглашается признать въ некоторую виновность, но заслуживающую снисхожденія. «Винность въ

холопствѣ». Не хочется, прискорбно мнѣ повторить тѣ рѣзкія выраженія, въ которыхъ объясняется «холопство». Выраженія обидныя, возмутительныя! Корень же зла священ. Орловскій находитъ въ полицейско-бюрократическомъ произволѣ, полицейскомъ абсолютизмѣ, которые давили, мертвили и т. д. Все это объясненіе столько же несправедливо, сколько неумѣстно въ пастырскомъ собраніи. Но членъ сего собранія, авторъ рѣчи, идетъ дальше. Онъ имѣлъ дерзость пригласить собраніе, — въ собраніе допускалась и публика, — бросить камень, излить всю грязь въ указанный имъ корень, источникъ всѣхъ золъ.

Свящ. Орловскій могъ бы и не говорить, что въ дѣлѣ реформы учебныхъ заведеній мало полезнымъ онъ можетъ быть, какъ не компетентный. Онъ до того увлекся мыслями о какомъ-то гнетѣ въ нашихъ школахъ, о безправіи, о полномъ рабствѣ у безответственной олигархіи (?), что бросаетъ косвенный упрекъ на такія явленія въ школѣ: дисциплина, благонравіе и благоповеденіе. Она, эта хваленная, — (къмѣ, когда, не въ пастырскихъ ли собраніяхъ?!) дисциплинировала насъ по одному шаблону... для полицейской службы государству. Какъ будто забылъ онъ, что школа есть учрежденіе общественное; что хорошая школа имѣетъ свой общій строй и направленіе, что она должна быть въ полномъ согласіи съ цѣлями и направленіемъ государства, въ которомъ состоитъ, безъ котораго и немыслима, какъ и общество родителей, дѣти которыхъ въ ней учатся. Главное мѣсто въ школѣ, въ духовной или свѣтской, по мнѣнію о. Орловскаго, должно быть отдано общественнымъ, социальнымъ наукамъ. Къ сожалѣнію, онъ не называлъ наукъ этихъ въ точности. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ основу школьнаго ученія средняго вездѣ полагаются науки филологическія, т. е., иностранныя языки, по преимуществу, древніе, и мате-

натика, съ присоединеніемъ наукъ описательныхъ и историческихкихъ, по преимуществу отечественныхъ, въ низшихъ же школахъ послѣдніе два разряда наукъ. Что касается закона Божія, то каждому пастырю, онъ же всегда, неотложно, и учитель не въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — извѣстно значеніе уроковъ этого предмета; ему предложитъ избраніе мѣста, и времени и способовъ обученія, главное же воспитанія въ духѣ и правилахъ закона Божія.

Нельзя подумать, что если въ пастырскомъ собраніи стали возможны такія рѣчи, какъ о. Орловскаго, если онъ пользуются тамъ сочувствіемъ, если идутъ изъ устъ пастыря, то дѣло семинаріи проиграно, потеряно. «Задача духовной школы, по опредѣленію митрополита московскаго Филарета, состоитъ въ постепенномъ подготовленіи духовно-зрѣлыхъ людей, чтобы въ послѣдствіи они могли посвящать себя духовному служенію въ Церкви». Такъ говоритъ присвопаятный святитель, основоположникъ духовныхъ школъ въ нашемъ отечествѣ, десятки лѣтъ стоявшій во главѣ и на стражѣ ихъ. (Церк. Вѣд. 1906 г. № 24 стр. 1776).

Конечно, измѣнились времена, т. е., люди съ ихъ нравами, обычаями, настроеніемъ и условіями жизни общественной. Не осталось безъ измѣненій и духовное сословіе. Но Церковь Божія, какъ столпъ и утвержденіе истины, какъ царство Божіе на землѣ, начало и преддверіе царства Божія на небѣ, была и есть и будетъ одна и та же; она неизмѣнна по своему происхожденію и по своему назначенію въ мірѣ. Пастыри и учителя въ ней, отъ временъ апостольскихъ и далѣе во всѣ времена, имѣли и будутъ имѣть одно и то же назначеніе — призывать къ вѣрѣ Христовой, охранять и утверждать призванныхъ, руководить въ дѣлѣ вѣчнаго спасенія всѣми богоустановленными въ Церкви дарами и силами. Согласно сему назначенію, они не могли не имѣть, и всегда

имѣли заботы о томъ, чтобы дѣло ихъ продолжалось, расширялось и утверждалось, чтобы для сей цѣли непрерывно подготавливались достойные дѣятеля—священнослужители. Отсюда, отъ этихъ заботъ, ведутъ свое начало духовно-учебныя заведенія. Возможно лучшее, наиболѣе цѣлесообразное устройство или же преобразование ихъ, вотъ предметъ и цѣль пастырскихъ совѣщаній прежняго и нашего времени въ отношеніи семинаріи и вообще духовныхъ школъ.

Священникъ *Іоаннъ Ингеницкій*.

ПО ПОВОДУ НЕУСТРОЙСТВЪ И ВОЛНЕНІЙ ВЪ СЕМИНАРІИ.

Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выразить предъ лицомъ досточтимаго собранія свои мысли и чувства по поводу глубокоприскорбныхъ для сердца каждаго изъ насъ явленій—неустройство, безпорядковъ въ дорогой нашей духовной Воронежской Семинаріи.

Дорогая *Alma Mater*! Сколько несмываемыхъ пятенъ позора положено въ самые послѣдніе дни на твое святое имя? Сколько бѣдъ и скорбей, вражды и ненависти обрушилось на твою голову? Сколько нравственныхъ терзаній выпало на долю тѣхъ, кто среди разгара страстей и злобы въ твоихъ священныхъ стѣнахъ былъ преданъ своему долгу? Въ моихъ ушахъ еще до сихъ поръ звучатъ тѣ укоризны, тѣ недозрѣлыя слова «ушата грязной воды», которыя мы всѣ имѣли несчастье выслушать на прошломъ пастырскомъ собраніи отъ одного изъ тѣхъ, кто если не съ благодарностью, то съ полной признательностью долженъ былъ отвѣстись къ воспитавшему его заведенію.

Весьма часто съ грустью я останавливался мыслью на той мрачной филиппикѣ и сердце мое наполнялось негодо-

ваніемъ. Школа, имѣвшая за собою цѣлую вѣковую исторію, освященная историческими традиціями, давшая столько славныхъ именъ на разныхъ поприщахъ культурнаго труда—отвергалась, порицалась, уничтожалась. Я считаю излишнимъ доказывать насколько легкомысленно подобное обвиненіе: все цѣнное, все доброе, все полезное старой школы, что несомнѣнно должно перейти въ наслѣдство нарождающейся новой, давно уже имѣетъ своихъ горячихъ апологетовъ. Для насъ представляется дѣломъ неотложной необходимости въ настоящее время уяснить, осмыслить, такъ сказать, печальныя явленія школы, чтобы найти средства возстановить правильный ходъ разстроенной машины, чтобы разобраться въ поднявшемся шумѣ и гамѣ, чтобы знать всю правду кто здѣсь правъ и кто виноватъ? Тысячи голосовъ твердятъ о томъ, что нужна реформа Семинаріи, что нужно пересоздать внутреннюю жизнь заведенія, чтобы возстановить его нормальныя функціи. Не спору, все живое подчинено процессу постепеннаго развитія. Школа обвиняетъ собою самую живую сторону жизни, а потому должна быть чувствительна къ запросамъ жизни не въ смыслѣ моды и увлеченія модными и часто легковѣсными теоріями, а въ смыслѣ усовершенствованія научно-воспитательныхъ приемовъ и средствъ для достиженія своей высской цѣли. Въ этомъ отношеніи, проходя свой историческій путь, ваша духовная школа переживаетъ смѣну идеаловъ. Прежде, когда-то употребляли мѣру внѣшняго принужденія (я разумѣю физическія наказанія) для достиженія результатовъ, что давно уже предано навсегда въ область забвенія. Систему внѣшняго принужденія замѣнила собою потомъ система принужденія нравственнаго: устанавливали точныя гравиды научно-воспитательнаго матеріала съ точнымъ обязательствомъ его выполненія. Но и эта система грозила осложненіями. Начались упорныя стремленія въ тому,

чтобы систему нравственного принужденія замѣнить системой нравственного убѣжденія.

Послѣдняя система составляетъ завѣтные желанія большинства современныхъ педагоговъ.

Но путь непосредственнаго вліянія, предполагающій, конечно, извѣстную долю самостоятельности воспитываемыхъ, вѣдь, строго говоря, уже сравнительно давно практикуется въ нашихъ духовныхъ Семинаріяхъ, а въ послѣдніе годы онъ сдѣлался преобладающимъ, своего рода педагогической азбукой. На этой азбукѣ стремятся усердно построить образованіе и воспитаніе. И что же? Уже на первыхъ порахъ ея примѣненія обозначились такіе ужасные симптомы? А казалось бы съ точки зрѣнія современной педагогической психологіи система нравственного убѣжденія должна бы болѣе отвѣчать достоинству человѣческой личности и слѣдовательно быть болѣе продуктивной. Очевидно, произошла какая-то погрѣшность или въ самомъ примѣненіи «новой педагогической азбуки», т. е. со стороны начальства или въ воспріятіи ея, въ ея пониманіи со стороны учащихся. И намъ кажется, что больше грѣха лежитъ на сторонѣ послѣднихъ. Обратимся къ дѣйствительности. Многіе изъ насъ имѣютъ обучающихся въ Семинаріи дѣтей. Спросите чистосердечно у нихъ, какъ ими понимается та широкая гуманность, которой они пользуются уже и за которую такъ горячо ратуютъ? Развѣ, какъ средство для созданія въ себѣ настроенія, соответствующаго духовному воспитаннику? Нѣтъ и нѣтъ! Полный просторъ личнымъ воззрѣніямъ, полная независимость личнаго поведенія, свободнаго отъ всякаго контроля и полная безотвѣтственность предъ какимъ бы то ни было авторитетомъ—вотъ убѣжденія, сотканныя современнымъ семинаристомъ на почвѣ широкой гуманности. Каждая уступка со стороны начальства—это лишній поводъ къ тому, чтобы

еще больше раздвинуть свою свободу. А долгъ, спросите вы, лежащія на вашей совѣсти обязанности воспитанника? Да, но о нихъ не принято теперь говорить! Теперь говорятъ смѣло и быть можетъ слишкомъ смѣло о своихъ правахъ, но не объ обязанностяхъ и не о долгѣ. Такимъ образомъ, путь непосредственнаго вліянія и убѣжденія, понимаемый ложно, въ угоду собственнаго произвола и свободы, способствуетъ забвенію нравственнаго долга и обязанностей учащихъ. Отсюда вытекаетъ въ силу логической необходимости разстройство порядка въ заведеніи, упадокъ необходимой для заведенія дисциплины. Поддержать строй заведенія возможно, очевидно, только на строгоустойчивомъ, строго определенномъ принципѣ. Принципъ этотъ—настойчивое проведеніе въ жизнь заведенія всего, что требуется по соотвѣтствію съ идеей заведенія долгомъ и обязанностями каждаго:—учащихъ и учащихся. Конечно, осуществленіе принципа, выходящее изъ сознанія учащихся, ихъ убѣжденія, должно входить въ программу непосредственнаго начальства. Всякая нерѣшительность, замѣчаемая теперь какъ бы боязнь дѣйствовать твердо и увѣренно со стороны послѣдняго, только затрудняетъ дѣло и способствуетъ возникновенію и продолженію конфликтовъ. Всѣмъ должно быть ясно, что кто не чувствуетъ склонности или желанія по доброй ли волѣ или по личнымъ обстоятельствамъ служить и учиться, исполнять свой долгъ, тотъ долженъ оставить стѣны заведенія.

Сознаніе долга должно поселить и поднять въ учащихся интересъ къ наукѣ. Теперь интересъ этотъ потухъ. Семинаристы занимаются съ охотой чѣмъ угодно, но только не наукой. Изъ школы исчезло всякое воодушевленіе. Въ оправданіе этого печальнаго, но широко распространеннаго явленія привыкли дѣлать нападки на самыя науки. Говорятъ, что семинарскія науки сухи и безсодержательны. Надо дѣйстви-

тельно имѣть много храбрости, чтобы утверждать это. Въ прежнее время учились по менѣе пригоднымъ учебникамъ и руководствамъ, имѣли быть можетъ и менѣе знающихъ въ области своей спеціальности учителей и однако съ захватывающимъ интересомъ изучали науки, трудились надъ сочиненіемъ и пріобрѣтали широкое знакомство съ литературой. Да и какъ можетъ быть безцвѣтна философія и психологія? А вѣдь большинство семинарскихъ научныхъ дисциплинъ покоются на философскомъ базисѣ. Для любознательнаго ума едва ли сухими покажутся глубокія основанія догматики или нравственныя начала этики. Даже вопросы практическаго руководства и гомилетики по смыслу объяснительной записки въ процессѣ раціональнаго преподаванія тѣсно соприкасаются съ вопросами современности. Вотъ почему всѣ жалобы на сухость и безсодержательность семинарскихъ наукъ я понимаю, какъ желаніе свернуть вину съ больной головы на здоровую. Я думаю, что упадку любознательности научной много помогли часто большая свисходительность педагоговъ, пониженіе до минимума научныхъ требованій: за что не такъ давно ставили тройку, теперь ставятъ четверку, а то пожалуй и больше. Къ тому же обостренное положеніе дѣла постановку двойки дѣлаетъ подчасъ и небезопасной. Излишне распространяться о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, какія происходятъ отъ нежеланія изучать науки: въ учащихъ замѣчается повальное невѣжество въ элементарныхъ научныхъ истинахъ, — въ преподавателяхъ умираетъ то одушевленіе, исчезаютъ тѣ широкіе плавы, съ которыми они впервые приступаютъ къ каедрѣ. И дѣло дѣйствительно обращается въ скучную пѣсню. Поднять интересъ къ наукамъ нельзя, конечно, искусственными средствами. Необходимо создать работу, въ которой бы проявилась весьма значительная доля самостоятельности и трудоспособности ученика. Этой цѣли

болѣе всего, по нашему мнѣнію, отвѣчаютъ занятія письменными работами. Процессъ умственного творчества—могучій факторъ для развитія ученика. Съ педагогической точки зрѣнія онъ въ извѣстной мѣрѣ вліяетъ на теченіе всѣхъ духовныхъ силъ воспитанника. Вотъ почему возвысить и расширить требованіе въ отношеніи письменныхъ работъ является дѣломъ необходимости для дисциплины ума и поднятія его любознательности въ средѣ учащихся.

Мнѣ бы хотѣлось еще коснуться нѣсколько веденія воспитательнаго дѣла. Въ этой области на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о нормировкѣ отношеній между воспитанниками и воспитателями. Говорятъ, что эти отношенія ограничиваются лишь требованіемъ формальностей и соблюденіемъ дисциплины. Пусть такъ. Но вѣдь дисциплина—внѣшній принципъ школы: гдѣ вы что-нибудь сдѣлаете безъ порядка и дисциплины? «съ порядкомъ друженъ умъ; наука не любитъ суеты»,—говорятъ умные люди. Трудно представить себѣ такую бы то ни было организацію безъ системы и порядка, тѣмъ болѣе организацію сложную для достиженія высокихъ цѣлей,—воплощеніемъ которой служатъ учебныя заведенія. Но это внѣшнее условіе, правда весьма необходимое, для правильной постановки дѣла. А внутреннее? Но тутъ новое обвиненіе. Нѣтъ, говорятъ, теплоты, искренности и простоты въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ: начальство и воспитанники—это, говорятъ, два враждебныхъ лагеря. Но гдѣ же причины взаимнаго разъединенія? Не служитъ ли звеномъ всякаго согласія взаимное довѣріе? Будьте вы самымъ гуманнымъ воспитателемъ, съ самой откровенной и сердобольной душой и все же ваши труды пропадутъ даромъ, если ваши воспитанники будутъ подходить къ вамъ безъ довѣрчивости и такъ сказать съ задней мыслию. А если нѣтъ взаимной искренности, не можетъ быть и рѣчи о теплотѣ от-

ношеній. Кто развилъ въ себѣ внутреннее недовѣріе въ людямъ, заразилъ себя нравственнымъ скепсисомъ, тотъ врядъ ли сочувственно отнесется въ искреннему голосу даже руководителей. Есть, конечно, много и препятствій практическихъ для правильнаго веденія воспитательнаго дѣла въ нашихъ Семинаріяхъ. Дѣло воспитанія слишкомъ живое дѣло, дѣло трудное и отвѣтственное; идея воспитанія слишкомъ глубокая идея. Необходимъ опытный, зоркій глазъ, чтобы слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ личности, чтобы во время притя на помощь часто растерявшейся неопытности, чтобы во время предостеречь и уберечь. Сколько здѣсь надо умѣнья, труда и терпѣнія! Теперь обратимся въ дѣйствительности: на 600 душъ воспитанниковъ у насъ въ Семинарію по штату положено только три штатныхъ воспитателя и столько, кажется, сверхштатныхъ съ меньшимъ количествомъ работы, да одинъ инспекторъ. Если ограничить ихъ работу однимъ веденіемъ дисциплинарнаго дѣла (что вонечно нежелательно), то по физическимъ условіямъ—этой работы будетъ черезчуръ много. Но вѣдь мы желаемъ нравственнаго руководства, теплаго сочувственнаго отношенія и сердечной поддержки своимъ дѣтямъ. Чтобы съ большей ясностью представить себѣ всю трудность веденія воспитательнаго дѣла въ многолюдныхъ заведеніяхъ при ограниченномъ количествѣ воспитателей я приведу въ аналогію семью съ пятью, шестью дѣтьми. Какъ трудно бываетъ съ ними, чтобы установить ихъ характеръ и избавить ихъ отъ грубыхъ наклонностей?! Вотъ почему я не могу не подѣлиться одной частной мыслью практическаго свойства: о желательности учрежденія для нашего обществѣ своекоштныхъ воспитанниковъ особаго инспектора, завѣдующаго дѣломъ воспитанія, что облегчило бы сложную и трудную задачу воспитанія въ нашей Семинаріи подъ руководствомъ только одного инспектора. Осуществленіе ука-

занной мною мысли—передать, конечно, правленію Семинаріи. По этому вопросу я могъ бы подѣлиться и другими практическими соображеніями, но я перехожу къ принципиальнымъ обоснованіямъ воспитанія.

Я указалъ уже на необходимость дисциплины, какъ вѣшняго принципа школы, я глубоко признаю необходимость и непосредственнаго вліявія воспитательнаго, какъ необходимое условіе для правильнаго духовнаго роста воспитанниковъ. Необходимо, чтобы эти два условія были приведены въ соотношеніе, не противорѣчили другъ другу. Тогда только возможна правильная постановка дѣла. Непоколебимое же сознаніе своего долга, преданность своему дѣлу будутъ служить ручательствомъ его усвѣшности, залогомъ того, что наша дорогая alma mater не будетъ видѣть въ своихъ стѣнахъ всего того, что мы пережили и чего не дай Богъ переживать.

Священникъ *Яковъ Гражданскій*.

Второе епархіальное пастырское собраніе.

(В П Е Ч А Т Л Ъ Н І Я).

15-го Іюня текущаго года закончилось второе епархіальное пастырское собраніе, служившее продолженіемъ перваго собранія, бывшаго 7—10 Февраля сего же года. Спѣшу подѣлиться своими впечатлѣніями отъ этого собранія съ тѣми, кто не имѣлъ возможности быть на немъ.

Впечатлѣніе въ высшей степени пріятное... Нисколько не жаль ни времени, ни расходовъ, затраченныхъ на посѣщеніе засѣданій этого собранія. Начну съ вѣшной стороны. Засѣданія по постановленію перваго собранія происходили при открытыхъ дверяхъ. Доступъ былъ свободный для всѣхъ

не исключая и корреспондентовъ. Публики была масса и притомъ — самая разнообразная, начиная отъ интеллигентовъ и дамъ и до чукъ съ постояннымъ слушателемъ, безногимъ балъкой, включительно. О духовенствѣ бѣломъ и черномъ и говорить нечего. Громадный читальный залъ Братства Свв. Митрофана и Тихона, гдѣ происходили засѣданія, все время былъ настолько переполненъ публикой, что, какъ говорится яблоку упасть негдѣ было. Духота, несмотря на настѣжь открытыя окна, ужасная... Такая внѣшняя сторона собранія невольно всѣмъ и каждому говорила, что здѣсь рѣшаются очень интересныя и очень важныя дѣла не только для духовенства, но и для всего христіанскаго общества. И дѣйствительно, здѣсь поставлены были на обсужденіе вопросы вполне жизненныя, а не теоретическіе, вопросы — давно назрѣвшіе и даже наболѣвшіе на душѣ у каждаго истиннаго сына св. православной церкви. Здѣсь рѣшались не «поповскія» дѣла, обычныя на епархіальныхъ съѣздахъ, нѣтъ — здѣсь рѣшались дѣла «настырскія», въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, — дѣла, имѣющія отношеніе не къ жизни духовенства только, но, главнымъ образомъ, къ жизни всей русской православной церкви вообще и къ жизни каждаго христіанина — въ частности. Вотъ за этими-то отвѣтами, такъ сказать, на запросы своей христіанской души и явилась такая широкая публика. И надо предполагать не ошиблась въ своихъ чаяніяхъ. Всѣ поставленные на очередь вопросы рассматривались широко и разносторонне, взгляды высказывались свободно и самые разнообразныя, богатые жизненнымъ опытомъ. Дѣйствительная жизнь настоящаго христіанскаго общества нашла здѣсь себѣ полное отображеніе и получила должную оцѣнку себѣ со стороны членовъ пастырскаго собранія и, вѣжета, все возможное для рѣшенія этихъ вопросовъ сдѣлано, насколько это было въ силахъ на-

шихъ о.о. уполномоченныхъ. Видно было, что всѣ поднятые вопросы заранѣе не только обдуманы, но и прочувствованы о.о. уполномоченными, а потому такъ горячо и отъ души они рѣшались. Въ ораторахъ недостатка не было, временами чувствовался даже излишекъ. И ораторовъ дѣльныхъ, убѣжденныхъ, краснорѣчивыхъ. Особенное вниманіе обращали на себя ораторы изъ молодыхъ сельскихъ священниковъ. Ихъ рѣчи были вполнѣ литературныя, что для сельскаго духовенства, живущаго между мужиками и вынужденнаго говорить больше въ своей жизни мужицкимъ же языкомъ, явленіе новое и отрадное. Но этого мало; главное достоинство рѣчей этихъ ораторовъ—глубина мысли. Такъ, одинъ ораторъ, говоря о реформѣ духовной школы, началъ свою рѣчь съ того, что нужно смотрѣть «въ корень вещей». И надо отдать ему честь, дѣйствительно освѣтилъ въ своей рѣчи сущность вопроса; между тѣмъ какъ говорившій по тому же вопросу предъ нимъ ораторъ изъ преподавателей духовной семинаріи, говорившій, нужно сказать, блестяще съ вѣншей стороны, коснулся лишь разнообразныхъ деталей вопроса, но не сущности его; краснорѣчивому потоку словъ послѣдняго не было кажется и конца, но впечатлѣніе получилось такое: это духи, которые не имѣютъ запаха. Другой ораторъ изъ сельскихъ батюшекъ по тому же вопросу разсматривалъ его тоже не поверхностно, а по существу, именно—онъ говорилъ о нравственномъ возрожденіи духовной школы,—этомъ камнѣ, на которомъ только можетъ быть построено прочно новое зданіе. Предшествовавшій же ему ораторъ изъ преподавательскаго персонала говорилъ только о томъ: кто виноватъ въ современномъ печальномъ положеніи школы, они ли, преподаватели и начальствующіе, или сами ученики и даже ихъ родители. Такое освѣщеніе вопроса, именно съ этой стороны, конечно, естественно для учителя

бастующей школы, но пользы отъ этого для дѣла мало, если не сказать болѣе. Третій ораторъ, тоже изъ сельскихъ батюшекъ, говорилъ по тому же вопросу горячо и убѣжденно, говорилъ отъ души, говорилъ о боли своего родительскаго сердца при видѣ состоянія современной духовной средней школы. Видно было, что онъ говорить не отъ ума только, но и отъ всего сердца, желая принести свою посильную лепту на алтарь обновленія нашей школы.

Не менѣе горячо и дѣльно обсуждались и другіе вопросы, поднятые на этомъ пастырскомъ собраніи, о которыхъ я здѣсь говорить не буду.

Справедливость требуетъ сказать, что между сельскими батюшками были ораторы, хотя и словоохотливые, но далеко некрасворѣчивые. Слушать ихъ на первый разъ, правда, было тяжело, но потомъ, когда выяснилось, что за такою некрасивою и длиною формою изложенія скрываются весьма цѣнныя мысли, пастырское собраніе взяло на себя терпѣніе выслушивать и этихъ ораторовъ и, въ концѣ концовъ, кроме благодарностей имъ, ничего сказать не могло. Винить же ихъ за не литературную форму изложенія своихъ мыслей не приходилось, особенно если принять во вниманіе, что между ними былъ одинъ убѣленный сѣдинами почтенный сельскій іерей, прожившій уже нѣсколько десятковъ лѣтъ въ глухомъ, бѣдномъ приходѣ, богатый жизненнымъ опытомъ и съ энергіей молодого пылкаго юноши, отчего рѣчь его, хотя и длинная, мѣстами была настолько мѣткая и даже игрива, что вызывала одобрителный смѣхъ со стороны публики; несмотря на все это, рѣчь его была желательна, какъ полезная для дѣла.

По сравненію съ первымъ пастырскимъ собраніемъ, настоящее собраніе отличалось болѣею стройностью въ обсужденіи вопросовъ и болѣшимъ внѣшнимъ порядкомъ со сто-

роны о.о. уполномоченныхъ, хотя въ этомъ отношеніи остается желать еще многого лучшаго, особенно по части самолюбія личнаго и даже корпоративнаго. Такъ, напр., былъ одинъ случай, когда собраніе отказалось выслушать по одному вопросу мнѣніе отсутствующаго своего собрата, занимающаго въ настоящее время высвій постъ, лица, несомнѣнно, компетентнаго въ рѣшеніи даннаго вопроса, главнымъ образомъ потому, что этотъ собратъ высказался въ печати строго критически о первомъ пастырскомъ собраніи, бывшемъ 7—10 Февраля. Причина этого явленія, а также и другихъ подобныхъ, по нашему мнѣнію, та, что мы еще не привыкли къ вполнѣ свободному и безпристрастному обсужденію вопросовъ, не привыкли выслушивать чужое мнѣніе, не обращая вниманія на личность говорящаго, не привыкли даже участвовать въ пререканіяхъ, гдѣ можно, горячо отстаивая свое убѣжденіе, въ тоже время и глубоко уважать мнѣніе противника и спокойно выслушивать его возраженія. Мы еще неопытны въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь мы до сихъ поръ собирались на съѣзды епархіальныя и благочинническіе неохотно и смотрѣли на нихъ какъ на какую-то повинность. Почему? да потому, что тамъ свободно ничего сказать нельзя было, чтобы не попасть въ опалу, да и самые вопросы, подлежащіе обсужденію, дѣлались извѣстными духовенству только на самомъ съѣздѣ. Сколько духовенство ни хлопотало о томъ, чтобы всѣ вопросы, имѣющіе обсуждаться на съѣздахъ, печатались заблаговременно въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, желаніе его оставалось неисполнимымъ, а при такомъ положеніи дѣла можно ли было ожидать отъ нихъ хорошихъ результатовъ. Выходило всегда такъ, что дѣла рѣшались не всѣми, а только нѣкоторыми, стоящими близко къ дѣлу. Но несмотря на все вышесказанное, второе пастырское собраніе доказало, что наше духовенство способно прогрессировать и прогрессируетъ

въ этомъ отношеніи, а потому остается теперь намъ пожелать, чтобы настоящія пастырскія собранія были возможно чаще и чтобы всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію ихъ, обязательно рассматривались предварительно на благочинническихъ съѣздахъ, тогда не было бы надобности откладывать рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ до слѣдующаго собранія, а въкоторыя—совсѣмъ снимать съ очереди. Желательно также, чтобы пастырскія собранія не ограничивались извѣстнымъ временемъ, какъ, напр., первое—отъ 7 по 10 Февраля, второе—отъ 10 по 15 Юни, а чтобы назначались въ такое время, когда можно было бы воспользоваться и гораздо большимъ временемъ, смотря по надобности въ немъ.

Въ заключеніи нельзя, по долгу справедливости, не высказать благодарности о. Предсѣдателю втораго собранія, Прот. Алексѣю Спасскому, за понесенные имъ труды на этомъ собраніи и, главнымъ образомъ, за корректное отношеніе къ разрѣшаемымъ вопросамъ, даже къ такимъ, которыми онъ лично не сочувствовалъ и которые все-таки прошли на собраніи по большинству голосовъ въ утвердительномъ смыслѣ. Очень жаль только, что одинъ вопросъ, рассматривавшійся 15 Юни по желанію о.о. уполномоченныхъ при закрытыхъ дверяхъ, именнo—о второбрачіи священнослужителей, не получивъ своего полнаго освѣщенія и никакого рѣшенія, былъ снятъ съ очереди... почему—трудно сказать. Если не доставало времени или о.о. уполномоченные некомпетентны были разрѣшать его, то тогда его не нужно было бы и совсѣмъ поднимать, хотя о недостаткѣ времени кажется не могло быть рѣчи, такъ какъ въ этотъ день о.о. собранія нашли возможнымъ сняться группой на фотографической карточкѣ. Получилось такое впечатлѣніе. Рана больного открыта взорамъ другихъ, хотя и близкихъ людей, но облегченія не только дѣломъ, но и словомъ, отъ этихъ людей больной не получилъ. Вышло

простое любопытство, обидное для больного. Такъ и здѣсь— поговорили, поговорили, да и то не всѣ желавшіе говорить, а только нѣкоторые, и вдругъ... засѣданіе закрыто.

Надѣмся, что будущее пастырское собраніе исправитъ эту, быть можетъ, невольную свою ошибку.

Не депутатъ *С. Е. П.*

ИЗЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ДНЯ.

(ВОРОНЕЖСКОЕ ЕПАРХІАЛЬНОЕ ПАСТЫРСКОЕ СОБРАНИЕ).

Сейчасъ только что изъ Воронежа изъ зала засѣданій Воронежскаго епархіальнаго второго пастырскаго собранія.

Настроеніе угнетенное, подавленное, какъ будто бы послѣ тяжелаго кошмара. Какіе-то безпорядочные митинги, а не пастырское собраніе. Словно не пастыри одной и той же епархіи съ опредѣленными программами и наказами отъ своихъ сотоварищей съѣхались мирно побесѣдовать другъ съ другомъ о насущныхъ и неотложныхъ вопросахъ своей пастырской дѣятельности, а люди разныхъ званій и положеній, совершенно чуждые другъ другу по своимъ профессіямъ и убѣжденіямъ, сошлись въ словесномъ препирательствѣ между собою взвѣсить свои силы и показать свои ораторскія способности.

Въ самомъ началѣ засѣданій нами неотразимо почувствовался тяготѣющій надъ всѣмъ пастырскимъ собраніемъ гнетъ моднаго общественнаго мнѣнія, представителемъ котораго являлась сторонняя публика, постоянно наводнявшая залъ засѣданій. Ясно было, что пастыри считаются съ этой публикой, въ ней направляютъ свои рѣчи и взоры, ее боятся, или стѣсняются, отъ нея ждутъ сочувствія и одобре-

ній. Публика, ослышенная такимъ въ ней вниманіемъ, держала себя довольно развязно, а порой и безцеремонно. Выходитъ на кафедру ораторъ, въ публикѣ голоса: «А, это лидеръ крайней лѣвой, интересно послушать». Залъ замираетъ... Выходитъ другой ораторъ, снова голоса: «черносотенецъ». Публика шепчется, переговаривается, разгуливаетъ по залу; ораторъ смущенно говоритъ и еще болѣе смущенный оставляетъ кафедру. И такъ на протяженіи всѣхъ засѣданій. Смѣло, непринужденно вели себя ораторы, завоевавшіе симпатію публики: говорили по каждому вопросу сколько хотѣли, какъ хотѣли и когда хотѣли, часто повторялись, занимались совершенно лишними дебатами, вносили на обсужденіе вопросы не въ очередь и т. д. и т. п. Стѣсненными, наоборотъ, чувствовали себя подъ контролемъ далеко не безпристрастной публики многіе и большей частью опытные, покрытые сѣдиною пастыри, и голосовъ ихъ почти не слышно было въ залѣ засѣданій.

Досадно становилось. Ъхаль на собраніе за двѣсти верстъ послушать, поучиться, почерпнуть полезныя для своей пастырской дѣятельности совѣты и уроки, а въ результатѣ тяжелое настроеніе отъ пестроты красивыхъ словъ и грома модно-либеральныхъ рѣчей на мотивы уже порядочно потрепанные.

Да, отсутствіе свободнаго, полнаго всесторонняго обмѣна мыслями и впечатлѣніями между всѣми делегатами собранія— это одинъ изъ главныхъ и крупныхъ недостатковъ прошедшихъ засѣданій, и этотъ недостатокъ не долженъ имѣть мѣсто на будущихъ пастырскихъ собраніяхъ, въ противномъ случаѣ, собранія эти всегда будутъ далеки отъ своей прямой цѣли и для многихъ и очень многихъ будутъ казаться далеко неудовлетворительными. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что среди молчавшихъ на засѣданіяхъ пастырей-делегатовъ

было не мало пастырей умныхъ, дѣльныхъ, правичныхъ, которые могли бы внести въ общую сокровищницу засѣданій много полезнаго, но они, къ сожалѣнію, молчали, молчали потому, что или стѣснялись публики, или страшились отважной оппозиціи фаворитовъ ея, или же стыдились свои простыя безыскусственныя слова выставять на показъ рядомъ съ красивыми эффектными словами краснорѣчивыхъ ораторовъ. Если это такъ, то не лучше ли будетъ, пастырскія засѣданія дѣлать закрытыми, хотя бы на вѣкоторое время, до той поры, когда улягутся черезъ чуръ разыгравшіяся въ обществѣ страсти, мягче станутъ взаимоотношенія людей различныхъ лагерей и партій, а пастыри привыкнутъ къ смѣлому, свободному, но безстрастному, ровному, покойному обмѣну мыслей и впечатлѣній.

Мы стоимъ за закрытыя засѣданія еще болѣе и потому, что открытыя засѣданія, развивая въ пастыряхъ страсть къ дешевымъ лаврамъ и отвлекая ихъ отъ ихъ прямыхъ пастырскихъ занятій, не мало заключаютъ въ себѣ соблазновъ для публики, для паствы, для мірянъ, Чтобы не быть голословными, переходимъ къ фактамъ.

Одинъ изъ ораторовъ-пастырей вноситъ не въ очередь на обсужденіе засѣданія предложеніе: обратиться къ жителямъ города Воронежа съ пастырскимъ отъ имени делегата сваго собранія воззваніемъ въ цѣляхъ предотвращенія ожидаемаго черносотеннаго погрома. Поводомъ къ такому предложенію оратора послужило мѣстное газетное сообщеніе о слухахъ достовѣрности невзвѣшенной. Нѣкоторые изъ пастырей слабо возражаютъ противъ воззванія, одни ссылаясь на то, что это дѣло исключительно Воронежскихъ пастырей, другіе высказывая опасеніе, какъ бы воззваніе это, будучи преждевременнымъ, вмѣсто желаннаго мира и любви, не произвело нарушенія общественной тишины и спокойствія. Па-

стырь, внесшій предложеніе о воззваніи возмущается духомъ, входитъ въ экстазъ, истерично кричитъ, бьетъ грозно кулакомъ по столу, посылает по адресу осмѣлившихся возразить противъ него далеко некрасивыя слова: «жестокіе, черствые, безсердечные» и т. д. и т. п. Для публики соблазнъ: лишній поводъ поиздѣваться надъ несимпатичными качествами батюшекъ, тѣмъ болѣе, что эти качества рѣзко подчеркиваются ихнимъ же собратомъ.

Во время разсужденій о воззваніи одинъ молодой пастырь горячо убѣждаетъ своихъ сотоварищей въ случаѣ погрома не щадить себя, не щадить своей жизни и, если нужно, душу свою положить за спасеніе ближнихъ. Этотъ же пастырь на одномъ изъ засѣданій не можетъ простить своему товарищу, можетъ быть вынуждено сказаннаго послѣднимъ по адресу перваго, оскорбительнаго слова. На глазахъ публики разыгрывается некрасивый инцидентъ препирательства двухъ батюшекъ, глядя на который, публика невольно должна была припомнить русскую пословицу: «На словахъ, какъ на гусяхъ, а на дѣлѣ, какъ на коромыслѣ».

Вопросъ о пастырскомъ воззваніи рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ. Назначается комиссія для составленія воззванія. На слѣдующемъ засѣданіи обнаруживается разладъ между членами этой комиссіи, и одинъ изъ нихъ проситъ предсѣдателя составить протоколъ о некорректности поведения его товарищей. Снова соблазнъ. Пастыри, задавшіеся цѣлью призвать населеніе къ миру и любви, не могли мирно и любовно составить даже пастырскаго воззванія.

Идутъ разсужденія о посылкѣ привѣтственной отъ пастырскаго собранія телеграммы въ Государственную Думу. Пастырь, внесшій на обсужденіе засѣданія, этотъ вопросъ, торжественно читаетъ составленную имъ самимъ телеграмму. Припоминаются фразы: «Осуждайте насъ (пастырей)...

Мы сами осуждаемъ свою прошлую дѣятельность... Дайте намъ свѣта и свободы... Дайте намъ человѣческое существованіе и т. д. и т. п. Нѣкоторые изъ пастырей приходятъ въ восторгъ отъ этой телеграммы и упорно настаиваютъ, чтобы вся она цѣликомъ безъ всякихъ измѣненій и сокращеній послана была въ Государственную Думу. Для публики опять соблазнъ. Пастыри, ни кѣмъ непривуждаемые, по своему собственному почину поютъ погребальный маршъ надъ всею своею прошлою дѣятельностью, ничего не находя въ ней полезнаго, добраго, свѣтлаго, святаго. Вся эта дѣятельность представляется имъ безпросвѣтнымъ мракомъ, сплошнымъ холодствомъ; они не чувствуютъ подъ собою никакой прочной почвы и растерянные, какъ утопающіе, протягиваютъ свои священническія руки къ Государственной Думѣ, прося у ней какаго-то свѣта и какой-то свободы. Представляемъ себѣ разочарованіе, тоску, а можетъ быть и отчаяніе, навѣяныя пастырскимъ погребальнымъ маршемъ на тѣхъ лицъ изъ публики, которыя присутствовали въ это время въ залѣ засѣданій, сохраняя въ сердцѣ своемъ хотя самую незначительную искру вѣры въ пастырей, въ ихъ священническую дѣятельность, въ ихъ проповѣдь о Свѣтѣ Христовомъ и о христіанской свободѣ. Жрецы сами своими собственными руками разбиваютъ тѣ священные алтари, въ которыхъ приглашали народъ. Куда же теперь итти? Кого слушать? Къ какимъ итти учителямъ?

Ведутся разсужденія и дебаты о реформѣ духовныхъ учебныхъ заведеній. Одинъ изъ пастырей горячо настаиваетъ на томъ, чтобы спеціальныхъ высшихъ и среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній ни въ какомъ случаѣ не было. Онъ эти школы считаетъ принудительными. По его мнѣнію, для всѣхъ дѣтей и юношей средняя школа должна быть одна и таже—свѣтская, чуждая церковности, клерикализма. Не

страшить пастыря то обстоятельство, что мы стоимъ на порогѣ таковой эпохи, когда, по всей вѣроятности, изъ свѣтскихъ шволъ изгонится Законъ Божій и вывесутся, какъ вредныя, Крестъ и Евангеліе. Забылъ пастырь о томъ, что мы, пастыри, до сей поры только и твердили съ церковной кафедры своимъ пасомымъ, что церковь, молитвы, таинства, Слово Божіе—все это вмѣстѣ взятое составляетъ самую лучшую, самую благопріятную и безусловно необходимую атмосферу для правильнаго роста и развитія человѣческой души и что внѣ этой атмосферы человѣческая душа такъ же гибнетъ, какъ погибаетъ человѣкъ физически безъ свѣжаго воздуха, безъ хлѣба и безъ воды. «Не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ; имъ принадлежитъ Царство небесное». Отвергъ пастырь эти Божественныя слова, обрекая дѣтей и юношей на жизнь и развитіе внѣ церкви православной, вдали отъ Ея живительнаго и спасающаго вліянія.

Во время разсужденій о реформѣ духовныхъ учебныхъ заведеній въ залѣ засѣданій присутствуютъ обвиняемые: семинарская и училищная корпорація во главѣ съ отцемъ ректоромъ. По отношенію къ обвиняемымъ пастыри и отцы безпощадно строги. Замятовали они о томъ, что сами же они, пастыри, находятся въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ и съ разныхъ сторонъ по отношенію къ себѣ ждуть милости, снисхожденія и всепрощенія. Притча о безжалостномъ займодавцѣ, какъ живая, встала передъ нами. «Воспитанники (даже и съ пробившимися усами) нисколько неповинны въ грѣхахъ своихъ. Неповинны и отцы ихъ: они отдавали въ училище не дѣтей, а ангеловъ. Во всѣхъ проступкахъ учащихъ виновны ихъ воспитатели, и нѣтъ послѣднимъ мѣсть въ заведеніи, гдѣ есть хоть одинъ плохой воспитанникъ». На вопросъ же: что дѣлать, какія принять мѣры, чтобы съ осени текущаго года начались въ Семина-

ри правильныя занятія и не было никаких забастовокъ, одинъ изъ пастырей ораторъ совѣтуетъ родителямъ итти къ дѣтямъ, стать передъ ними на колѣни и съ простертыми въ нимъ руками со слезами на глазахъ молить ихъ, чтобы не бастовали они, а учились. Слѣдовательно, пятая заповѣдь совершенно стирается пастырской рувою со скрижалей Моисеевыхъ. Проповѣдуется полное порабощеніе родителей дѣтьми. Представляемъ себѣ восторженное настроеніе учащейся молодежи, которой, къ несчастію, не мало было въ это время въ залѣ засѣданій.

Еще одинъ печальный фактъ. Когда шли разсужденія о посылкѣ телеграммы въ Государственную Думу, одинъ изъ пастырей, кстати сказать своими рѣчами и своимъ поведеніемъ произведшій на насъ самое пріятное впечатлѣніе, предложилъ собранію составленную имъ кратенькую, но строго христіанскаго содержанія, телеграмму, вполне соответствующую пастырскому званію и достоинству. Сзади насъ одинъ изъ пастырей громко отозвался по адресу этой телеграммы: «черносотенная». Насъ это крайне возмутило. Недоставало еще, чтобы кто-либо изъ пастырей торжественно публично назвалъ бы Спасителя «черносотенцемъ». Это было бы вполне модно, оригинально и достойно пастырей, поставившихъ служеніе народу въ модномъ духѣ выше служенія Единому и Неизмѣнному Богу-Христу.

Сидя въ залѣ засѣданій и наблюдая все, совершавшееся кругомъ насъ, мы невольно хотѣли крикнуть пастырямъ: «пастыри, служители церкви Христовой! Ближе ко Христу, тѣснѣе соединяйтесь вокругъ церкви Христовой, церкви православной! Не мечитесь, какъ растерянные, по сторонамъ. «Мужъ двоедушенъ не устроенъ во всѣхъ путяхъ своихъ». Не соблазняйте слушающихъ васъ мирянъ. Не кружите имъ головы, не выталкивайте ихъ изъ ограды церковной, не за-

ставляйте ихъ въ этой оградѣ искать истину и новыхъ учителей. Воздержитесь въ словахъ. Дѣлайте свое святое, христіанское пастырское дѣло!

Мрачныя краски. Сѣрые тоны. Свучвыя пѣсни. Но глубоко вѣрится и неотразимо чувствуется, что все это мрачное, сѣрое, свучное—недолговременно. Все это наносное, случайное. Оно скоро должно пройти и замѣниться стройнымъ, свѣтлымъ, правдивымъ, отраднымъ. Долго намъ будетъ помниться голосъ одного пастыря-делегата, который по поводу пастырскихъ обращеній въ Государственную Думу за свѣтомъ и свободой, тихо, скромно, но властно возразилъ: «Не намъ, намѣстникамъ апостоловъ, призваннымъ вести въ міръ Свѣтъ Евангелія и Свободу Христову, просить у кого бы то ни было свѣта и свободы. Мы сами въ себѣ должны носить истинный свѣтъ и истинную свободу. Іоаннъ Креститель, митрополитъ Филиппъ, Святитель Митрофанъ не просили у Ирода, у Іоавна Грознаго, у Петра Великаго свѣта и свободы, но сами служили для нихъ свѣточами праведной жизни и на своихъ собственныхъ примѣрахъ показали имъ, что такое христіанская свобода». Незабвенныя дорогія слова. Дай Богъ, чтобы на пастырскихъ собраніяхъ больше было этихъ словъ, чтобы громче, торжественнѣе, властнѣе звучали они, и намъ вѣрится, что такъ будетъ и вѣра наша не постыдить насъ.

А пока, пока мы снова повторяемъ о своемъ желаніи, чтобы засѣданія пастырскія были закрытыми, и эти закрытыя засѣданія устраивались, какъ можно, чаще.

Одинъ изъ отцовъ протоіереевъ, подѣляясь съ нами какъ-то своими личными впечатлѣніями, отозвался о пастырскихъ собраніяхъ такъ: «есть въ нихъ что-то зловѣщее». Мы вполне согласны съ отцомъ протоіереемъ. Зловѣщее есть, и не мало его. Раздѣленіе пастырей на партіи, противорѣчія въ

ихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, проскальзывающія въ рѣчахъ нѣкоторыхъ батюшекъ еретическія мысли и сектантскіе взгляды—все это дѣйствительно есть что-то зловѣщее, угрожающее въ ведалекомъ будущемъ православной церкви отпаденіями и расколомъ. И это зловѣщее обнаружилось среди пятидесяти—шестидесяти батюшекъ. Какое же должно получиться столпотвореніе Вавилонское, если хоть разъ собрать вмѣстѣ батюшекъ со всей епархіи безъ исключенія? Но мы не винимъ въ этомъ пастырей. Виноватъ старый строй нашей общественной жизни, который обревалъ пастырей на безусловно одинаковую жизнь въ глуши деревенской и въ эпоху развитія каждаго изъ нихъ ихъ личной духовной жизни и склада его міросозерцанія предоставлялъ ихъ исключительно самимъ себѣ, ихъ собственнымъ силамъ и способностямъ... Какъ можно больше братскаго единенія между пастырями, какъ можно больше пастырскихъ собраній благочинническихъ и обще-епархіальныхъ! А на собраніяхъ какъ можно менѣе рисовки передъ публикой и какъ можно болѣе уваженія, любви и снисхожденія другъ въ другу и какъ можно болѣе полного свободнаго обмѣна другъ съ другомъ всѣми пастырскими завѣтными мыслями и желаніями!

Священникъ Г. Казьминъ.

РѢЧЬ,

произнесенная на епархіальномъ пастырскомъ собраніи по вопросу о реформѣ духовной школы.

Изъ всѣхъ рѣчей, высказанныхъ здѣсь вчера и сегодня я беру одно положеніе: «всякая новая мысль, внесенная въ соврѣщенницу мнѣній о реформѣ духовной школы, безспорно

заслуживаетъ вниманія» .—Оставляя въ повоѣ тотъ или иной типъ школы и въ настоящемъ случаѣ именно хочу внести мысль, недостающую предъидущимъ ораторамъ.

Почему-то всѣ говорятъ о выучкѣ и, какъ справедливо, хотя нѣсколько вульгарно, сказали одинъ изъ ораторовъ «тренировкѣ», но выпускаютъ изъ виду фундаментъ, на которомъ должно быть построено все зданіе. Я говорю о воспитаніи. Не о томъ воспитаніи, которое граничитъ съ лицемеріемъ, ханжествомъ и фарисействомъ, а воспитаніи сердца, ума и воли, когда человѣкъ вырастаетъ съ нравственно чистымъ сердцемъ и чувствуетъ непреодолимое отвращеніе къ пороку и всякой моральной нечистоплотности. О томъ воспитаніи, когда человѣкъ собственную нравственную чистоту стремится передать другимъ и инстинктивно удаляется отъ всякой мерзости и гадости, которыхъ такъ много въ мірѣ, и къ борьбѣ съ ними стремится всѣми силами души. Я говорю о томъ воспитаніи, когда воспитываемый смотритъ на своего воспитателя, какъ на высочій авторитетъ и идеаль, достойный подражанія, при полномъ довѣріи ко всѣмъ поступкамъ и словамъ. Когда между учащимъ и учащимся элементомъ нѣтъ и тѣни того антагонизма, который существуетъ теперь. Когда взаимно не смотрятъ другъ на друга, какъ на враговъ, чувствующихъ взаимно не только не любовь, а просто ненависть и постоянную глубокую вражду.

Всякій знаетъ по себѣ, какъ дорогъ каждый проблескъ искренняго чувства, неподдѣльной доброты, и какъ мало всего этого видѣли мы въ своей духовной школѣ.

Я съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ вчера отъ послѣдняго оратора ¹⁾ именно слова объ этомъ, но, къ глубокому сожалѣнію, ошибся. Рядъ блестящихъ экскурсій въ на-

¹⁾ Г. Недѣльскаго.

пу «заграницу» и даже въ древніе вѣка захватывалъ вниманіе слушателей, но школьный вопросъ не выяснялъ, почему я рѣшился упомянуть о главной основѣ всякой школьной реформы.

Настоящая духовная школа дѣйствуетъ на своихъ питомцевъ не воспитывающимъ, а развращающимъ образомъ. Чистымъ невиннымъ ребенкомъ я былъ отданъ въ эту школу. На первые же каникулы пріѣхалъ уже съ запасомъ лживости и лукавства. Не буду затруднять собранія мрачной и тяжелой картиной нравственнаго паденія питомцевъ этой школы. Скажу только, что нѣтъ почти пороковъ, которыхъ бы я не былъ свидѣтелемъ въ стѣнахъ воспитавшаго меня заведенія. Мнѣ возразятъ, что это общій недугъ, что тѣмъ же страдаютъ заведенія всѣхъ вѣдомствъ. Скажу только, мнѣ наша школа больна. Она предполагается для моихъ дѣтей и не можетъ быть не близкой, почему оставляя въ сторонѣ свѣтскую школу, говорю только о своей. Въ нереструированную школу или реструированную только съ учебной точки зрѣнія съ сохраненіемъ настоящаго воспитательнаго строя я только съ скорбію и слезами рѣшусь отдать своего ребенка, опасаясь за его участь. Роковой вопросъ, не погибнетъ ли онъ безвозвратно, будетъ висѣть надо мной Дамокловымъ мечемъ. Радъ бы избѣгнуть этого испытанія, но что можетъ сдѣлать для своихъ дѣтей сельскій священникъ при его средствахъ и при настоящихъ условіяхъ общественной жизни, когда безъ диплома ни шагу. Исходя изъ данной точки зрѣнія желательно бы выслушать проекты рестройки не одного учебнаго строя, но главнымъ образомъ воспитательнаго; проекты нравственнаго возрожденія нашей школы, безъ которыхъ всякій новый уставъ будетъ не желателенъ и совершенно бесполезенъ. Это взглядъ родителя и пожеланія всей его души.

Скажу теперь нѣсколько словъ, какъ священникъ, вышедшій изъ этой школы, таковымъ же священникамъ. Дѣйствительно ли эта школа приготовила васъ къ жизни, или вѣрнѣе къ *руководительству въ жизни*? Я полагаю, что каждый чувствовалъ свою полную беспомощность въ началѣ дѣятельности и усиленно работалъ надъ собой съ теоретической и нравственной стороны. Надъ иными же работала сама жизнь при собственной пассивности въ дѣлѣ самовоспитанія. Однимъ словомъ не школа готовила къ жизни, а жизнь исправляла ошибки школы.

Неужели же нѣтъ возможности избѣгнуть этого искушанія и скользскаго пути на беспочвенныхъ основахъ?

Помню, какъ были погублены нѣкоторые изъ моихъ товарищей суровымъ карательнымъ режимомъ, не согрѣтымъ сердечной теплотой во имя одной буквы устава, тогда какъ отеческая рука помощи могла бы отъ этого удержать.

Барьера погублена... Это только частность. Скажу больше: жизнь погублена, душа погублена. *Человѣкъ погибъ.*

Въ заключеніе выражу одно желаніе. Пусть въ основу реформы школы ляжетъ сердечность и искреннее неподдѣльное чувство любви, при наличности которыхъ каждый отецъ, отдающій своего ребенка въ школу, былъ бы спокоенъ за его нравственность и воспитаніе, какъ человѣка и христіанина. Пусть никто не будетъ въ правѣ повторить слова мудреца древняго міра: «храмъ-то новъ, но идолы стары».

Священникъ *Григорій Чеховъ.*

По поводу погромовъ.

ПОУЧЕНІЕ.

Въ высшей степени полезно и обязательно для насъ непрерывное памятованіе того, что при сотвореніи человѣка Господь вдунулъ въ него дыханіе жизни изъ устъ своихъ: значитъ далъ человѣку душу разумную, Богоподобную. И какой страшный вредъ ни нанесъ человѣку грѣхъ, какъ сильно и разрушительно ни повредилъ его Богоподобной природѣ, все же человѣкъ долженъ помнить, что онъ получилъ дыханіе жизни изъ устъ Божіихъ, и что потому ничего онъ не долженъ ни мыслить, ни дѣлать безразсудно и бессмысленно, но все долженъ обдумывать и дѣлать съ добрымъ толкомъ и благимъ разумомъ, какъ благъ Господь его Творецъ.

Въ настоящую пору мы переживаемъ такія ужасныя событія, совершающіяся вокругъ насъ, что должны особенно приблизить къ себѣ соображенія о томъ, какъ мы должны относиться и какъ думать и смотрѣть на все происходящее теперь между нами, на всѣ эти страшныя безпорядки, смуту и волненіе, чтобы повѣрять все это даннымъ намъ отъ Бога благимъ разумомъ, подкрѣпляемымъ Его Святымъ Евангельскимъ закономъ.

Но, бр , сами видите, видитъ каждый изъ насъ, что во всемъ томъ, что теперь происходитъ въ нашемъ несчастномъ отечествѣ, во всемъ этомъ одинъ ужасъ! Во всемъ, что у насъ теперь дѣйствуется, одно страшное развращеніе и беззаконіе, неукротимыя злодѣявія, неумолимое жестокосердіе полное попраніе всѣхъ священныхъ завѣтовъ христіанства и такая страшная погибельная бездна, что только въ одномъ адѣ можетъ происходить то, что дѣлается теперь на нашей землѣ, такъ что человѣкъ благого разума, въ оцѣпненіи

ужаса, долженъ взыватьъ къ Богу: О, Господи! Приди скоро и соверши Твой Праведный Судъ,—положи конецъ этимъ такъ осквернившимъ нашу землю злодѣяніямъ и беззаконіямъ человѣческимъ! Положи предѣлъ этимъ со всѣхъ сторонъ охватившимъ наше отечество безчинствамъ и злодѣйствамъ, да не до конца погибнетъ земля наша и мы всѣ съ нею!

О, несчастный человѣкъ! Гдѣ же дѣвался данный тебѣ отъ Бога благой разумъ? И какъ во всѣхъ этихъ совершающихся неслыханныхъ злодѣяніяхъ узнать или усмотрѣть твою богоподобную природу? Увы,—ты попралъ въ себѣ законъ Божій, попралъ вложенный въ тебя Богомъ внутренней законъ—совѣсть и приложился свотомъ несмысленнымъ и имъ уподобился, значить попралъ все данное тебѣ отъ Бога благое и спасительное, всѣ высшіе дары Божіи потопталъ твоими ногами! Какому же страшному отвѣту ты подлежишь на Судъ Божіемъ за такія безконечныя твои беззаконія!

Признается излишнимъ подробно перечислять всѣ совершающіяся теперь между нами злодѣянія; всѣ они у всѣхъ предъ глазами, или всѣмъ и каждому подлинно извѣстны. Значить, теперь если нѣтъ возможности, не остается никакой надежды образумить и усовѣститъ нашихъ безбожниковъ и развратниковъ, потерявшихъ совѣсть, забывшихъ Бога и совершающихъ направо и налѣво свои неслыханныя злодѣянія, то ты, возлюбленный слушатель, боящійся Бога и желающій въ чистотѣ хранить свою христіанскую совѣсть, внимай себѣ, всячески уклоняйся отъ злодѣевъ, сѣющихъ смуту въ народѣ, отъ ихъ злыхъ развратныхъ рѣчей и отъ этихъ отвратительныхъ богомерзкихъ листовъ, какіе эти злодѣи всюду распространяютъ и разбрасываютъ и въ селеніяхъ и въ поляхъ, и какими они такъ легко обманываютъ нашъ легкомысленный безразсудный народъ разными лукавыми и лживыми посулами и прельщеніями. Помни, что всякое насиліе

надъ ближнимъ, поджогъ, грабежъ, разбой, убійство—все это такія тяжкія ужасныя беззаконія, по какимъ бы причинамъ и поводамъ они ни совершались, въ которыхъ нераскаянный злодѣй вивогда не получитъ ни разрѣшенія, ни прощенія ни въ семъ ни въ будущемъ вѣвѣ; помни, что всѣ творящіе такія злодѣянія, какъ явные и дерзвіе противники Божіи, сами навлекають всякую скорбь и тѣсноту на свои души въ сей жизни и готовятъ себѣ въ жизни будущей вѣчную погибель въ безднѣ преисподней. Аминь.

НЕКРОЛОГЪ.

(† Священ. Владиміръ Ѳедоровичъ Прозорскій).

Въ городѣ Бирючѣ 12 Декабря прошлаго года послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни ревматизма скончался въ 7 часовъ утра бывшій священникъ Митрофановской владбищной церкви Владиміръ Ѳедоровичъ Прозорскій, 64 лѣтъ отъ роду, прослуживши въ священномъ санѣ около 40 лѣтъ и бывши въ заштатѣ съ 1903 года.

Священникъ Владиміръ Ѳедоровичъ Прозорскій, по окончаніи курса въ Воронежской духовной Семинаріи въ 1865 г., въ первомъ разрядѣ, 1866 года Августа 6 дня Высокопреосвященнѣйшимъ Серафимомъ рукоположенъ во священника, города Бирюча, къ Соборной Покровской церкви. Съ 27 Января 1867 года и по 1 Юня 1874 года проходилъ должность учителя при Бирюченскомъ духовномъ училищѣ по предметамъ: священной исторіи, православнаго катехизиса, церковнаго пѣнія, церковнаго устава и чистописанія. 1868 г. 15 Ноября, по прошенію, перемѣщенъ къ Митрофановской владбищной церкви города Бирюча. 1871 года 30 Ноября награжденъ набедренникомъ. Съ 9 Сентября 1875 года и по 7 Юля 1882 года проходилъ должность законоучителя въ

начальной школѣ слободѣ Бирючковской. 1879 года Апрѣля 1 Всемилостивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею. 1886 года 20 Января Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ определенъ законоучителемъ въ церковно-приходскую школу при Митрофановской церкви. 1898 года Мая 6 дня награжденъ былъ бархатною фіолетовою камлавкою.

Къ 8 часамъ утра собрались въ его домъ священники: М. Васильевскій, В. Маркинъ и П. Шмариновъ для облаченія и помазанія елеемъ тѣла умершаго. Около 10 часовъ утра была отслужена бывшими при облаченіи священниками первая панихида по новопреставленномъ.

Послѣ панихиды священникъ П. Шмариновъ началъ читать Св. Евангеліе надъ усопшимъ, пока не пришли его перемѣнить діаконъ церкви: Успенской и Вознесенской—Митрофановъ и Свѣсаревъ. Вечеромъ состоялась вторая панихида съ участіемъ всего градского духовенства.

Утромъ 14 Декабря къ 8 часамъ утра собралось все градское духовенство къ тѣлу почившаго. Къ числу трехъ градскихъ діаконъ присоединился еще діаконъ слободы Засосны Н. Алферовъ. Градское духовенство, облаченное въ свѣтлыя ризы, при красномъ звонѣ въ храмахъ, множество народа, пришедшаго почтить умершаго, производило въ сердцахъ людей какое-то потрясающее дѣйствіе не то скорби и слезъ, не то радости или торжества побѣды Господа надъ тлѣніемъ и смертію.

На улицахъ и площади читалось попеременно священниками Св. Евангеліе, послѣ чего совершилась третій разъ литія. Заупокойную литургію совершали: протоіерей А. Федоровъ, священникъ П. Шмариновъ и священникъ В. Маркинъ. Во все продолженіе литургіи народъ прибывалъ въ храмъ, желая отдать послѣдній долгъ почившему пастырю, бывшаго долгое время молитвенникомъ за отшедшихъ отцовъ

и братій ихъ. Ко времени же отпѣванія усопшаго, обширный Покровскій Соборъ былъ переполненъ народомъ, несмотря на буденный и довольно холодный день.

По 6 пѣсни священникъ П. Шмаринъ сказалъ рѣчь, которая помѣщается ниже. Когда окончено было отпѣваніе усопшаго, гробъ былъ вынесенъ изъ храма и обнесенъ вокругъ него діаконами и псаломщиками. Тѣло почившаго было погребено въ церковной оградѣ, при Соборной Покровской церкви. Вѣчная память собрать нашъ! Да упокоитъ Господь Богъ душу твою въ царствіи небесномъ!

Р Ѣ Ч Ъ .

*Блаженъ путь въ онъ же
идеши днесъ душе, яко уготовися
тебѣ мѣсто упокоенія.*

Сіе многочисленное собраніе въ семъ св. храмѣ свидѣтельствуесть, какъ о вѣрѣ нашей въ загробную жизнь, такъ объ искреннемъ и глубокомъ уваженіи къ сему почившему пастырю, новопр. іерею Владимиру, которому вы пришли отдать послѣдній долгъ христіанскій—помолиться о немъ.

Благое дѣло ваше не останется безъ награды какъ здѣсь на землѣ, такъ и тамъ—на небѣ. Новопр. рабъ Божій іерей Владимиръ, какъ вамъ многимъ извѣстно, сначала опредѣленъ былъ священникомъ въ сей св. храмъ, гдѣ приносилъ безкровную жертву за грѣхи людей, а потомъ перешелъ въ Митрофановскую кладбищенскую церковь приносить умилоствительную жертву за усопшихъ отецъ и братій вашихъ, гдѣ протекла большая часть его жизни, полная тревогъ и безпокойствъ житейскихъ...

Теперь нашъ долгъ къ почившему состоитъ въ томъ,

чтобы мы о немъ молились, какъ и ап. Павелъ пишетъ: Поминайте наставники ваши, ти бо бдѣть о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще (Евр. 13, 7).

Что же мнѣ сказать по случаю сего скорбнаго событія, какъ мы привыкли смотрѣть и называть смерть, а Церковь называетъ смерть—успеніемъ, упокоеніемъ и блаженнымъ путемъ, когда мы избавляемся отъ горя, печалей и скорбей, связанныхъ съ жизнью нашею на землѣ. Если я стану перечислять качества новопреставленнаго, приводить на память его жизнедѣятельность, какъ бы они славны ни были, мои слова будутъ ничто, когда душа усопшаго вынѣ предстоитъ предъ велицепріятнымъ судьей—Господомъ Богомъ, гдѣ трепеть объемлетъ существо каждаго, ожидающаго рѣшенія опредѣленія Божія. И если бы я вздумалъ сказать о немъ похвальное слово, то что мой бренный языкъ можетъ выразить въ сравненіи съ тѣми дивно-умилительными пѣснопѣвіями и чтеніемъ, положеннымъ въ чинѣ послѣдованія, пѣваемаго надъ усопшимъ священникомъ,—гдѣ скорбная душа трепещетъ отъ невѣдѣнія своего будущаго назначенія, сознавая свою вину и грѣхи, влагаетъ въ уста священнослужителя умилительныя моленія и прошенія—помолиться о прощеніи содѣянныхъ грѣховъ, называя всѣхъ людей такъ: братіи, друзи, сродницы и знаеміи прошу и молю васъ, молиться непреставно о мнѣ Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученія, но да вчинитъ идеже свѣтъ животный (Стихира).

Мы, живя здѣсь, на землѣ, споримъ о будущей жизни, а для тебя, братъ нашъ, разгадка жизни уже раскрыта; многіе изъ насъ вѣрятъ и не вѣрятъ въ блаженство праведниковъ и мученія грѣшниковъ, и для тебя завѣси таинственности раздрались; мы и теперь, несмотря на урокъ данный Авраамомъ евангельскому богачу: аще кто изъ мертвыхъ

воскреснетъ не имуть вѣры, добиваемся и желаемъ видѣть выходцевъ изъ того міра, чтобы услышать отъ нихъ слово о будущей жизни, когда доказательства этой истины разланы предъ нашими глазами во всемъ мірѣ.

А въ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было самой ничтожной вещи. Нѣтъ конца, который бы ни велъ къ началу; нѣтъ прошедшаго, чтобы оно не приготавлило къ будущему. Времена оканчиваются и начинаются, каждый прожитый день все ближе и ближе приближаетъ ко гробу и могилѣ, гдѣ сокрыта разгадка нашей земной жизни, о чемъ учить насъ какъ органическая, такъ и неорганическая природа. Рѣки погребаются въ моряхъ, и воскресаютъ въ источникахъ; умираетъ сѣмя въ землѣ, и воскресаетъ въ травѣ или деревцѣ. Солнце восходитъ и заходитъ, напоминаетъ намъ смерть и воскресеніе; то же самое говорятъ намъ и звѣзды, которыя утромъ умираютъ, а вечеромъ воскресаютъ. Весь міръ земныхъ прозябаній, т. е. злаки—осенью умираютъ, и весною воскресаютъ съ большею силою и великолѣпіемъ. И ап. Павелъ тоже самое говоритъ: Безумне, ты еже съеши, не оживеешь, аще не умреть. Такожде и воскресеніе мертвыхъ. Сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ. Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное и есть тѣло духовное. Тако и писано есть: бысть первый человекъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ (1 Кор. 15, 36. 42—45). И если пресмыкающій червь умираетъ для того, чтобы возсоздаться и полетѣть крылатой бабочкой; если твари низшихъ степеней разрушаются для того, чтобы обновиться,—то неужели человекъ, владыка твари, вѣнецъ земли и зеркало неба долженъ пасть во гробъ

для того, чтобы рассыпаться въ прахъ и быть безвѣднѣе ничтожнаго червя, хуже всякаго злака земнаго?! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Аще бо вѣруемъ, что Іисусъ умре и воскресе, такъ и Богъ умершіе о Христѣ проведетъ съ Нимъ (1 сол. 4, 14).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

2 Іюля въ церкви слоб. Лѣсковой, Богучарскаго уѣзда присоединена въ православію изъ іудейства Витебская мѣщанка Хана Самуиловна Аксельродъ, фельдш.-авушерка Семеновскаго межъуѣднаго медицинскаго участка. Величественный чинъ Св. Крещенія, совершенный надъ ней священникомъ о. А. Мивулинымъ, произвелъ сильное впечатлѣніе не только на крещаемую, но и на массу присутствовавшихъ въ церкви. Многія женщины плакали. Таинство крещенія совершено было въ перерывѣ между утреней и обѣдней. Въ концѣ литургіи новокрещенная Анна, слушавшая богослуженіе предъ амвономъ, въ крестильной бѣлой одеждѣ и съ зажженою свѣчю въ рукахъ, была приобщена Св. Таинъ Христовыхъ.
Новокрещенной 22 года.

О ВЪ Я В Л Е Н І Я.

АПТЕКАРСКІЙ И ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ „ГИГИЕНА“

Воронежъ, Больш. Двор. д. Замошникова.

Имѣются души „Колье“, предметы для купанья, очки и пенсы, фотографическіе аппараты. Граммофоны, бесплатно при покупкѣ 100 піесъ, отдѣльно граммофоны отъ 6 р. 50 к. и дороже. (5 6)

БОЛЬШОЕ

СПЕЦИАЛЬНО ИКОНОСТАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Александра Борисовича МОСКАЛЕНКОВА.

Въ сл. Алексѣевкѣ, Воронеж. губ., Бирюч. у., собствен. домъ.

За умѣренныя цѣны съ разсрочкой платежа (по особому соглашенію) исполняю заказы въ непродолжительное время.

Иконостасы деревянные, суто золотые по дереву и съ прокраской фоновъ, съ живописью и безъ оной.

Кіоты завлиросные и столбовые. Сѣни надъ престолами.

Иконы, для желающихъ увековѣчить память столь дорогого для русскаго человѣка событія, спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и всей Августѣйшей Семьи 17 октября 1888 года.

Гробницы, плащаницы, запрестольные образа, картины прозрачныя на полотнѣ и стевлѣ.

Иконы аналойныя и другія: на цинкѣ и деревѣ, на золоченныхъ, чеканныхъ, гладкихъ и живописныхъ фонахъ. Живопись производится непосредственно руками художниковъ и живописцевъ, а не печатается машинами, какъ въ метахромотиписическихъ заведеніяхъ.

Роспись и обраску церквей съ уборкою фресковъ и безъ оной.

Золоченіе главъ, куполовъ и крестовъ на марданъ и фульфарбу.

Церезолотку старыхъ иконостасовъ и реставрированіе иконъ.

За вполнѣ отличное и добросовѣстное исполненіе мною работъ имѣю благодарственные отзывы, похвальные листы, аттестаты и проч., высланные мнѣ по истеченіи 3-хъ и болѣе лѣтъ по выполненіи мною работы. (7—17)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

В. КАСТНЕРЪ

ВЪ ВОРОНЕЖЪ

ПРОТИВЪ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1850 ГОДА.

Складъ роялей и піанино фабр. Я. Беккера, поставщика Его Императорскаго Величества, К. Ренишъ, Г. Ленпенбергъ, Т. Беттингъ, Эд. Зейлеръ, Винкельманъ и др. первоклас. заграничн. фабрикъ.

Фисгармоніи лучшихъ заграничныхъ фабрикъ. Большой выборъ скрипокъ, віолончелей, гитаръ, мандолинъ и др. музыкальныхъ инструментовъ.

Лучшія нѣмецкія и итальянскія струны. Ноты свѣтскія и духовныя въ большомъ выборѣ.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно. (7—17)

УТВЕРЖДЕННАЯ Министерствомъ 20 мая 1904 года и открывшая свои дѣйствія въ январѣ 1905 года.

ВОРОНЕЖСКАЯ ПРИДАНАЯ КАССА,

учрежденная на взаимныхъ началахъ, выдаетъ пособія дѣвицамъ по выходѣ ихъ замужъ отъ 30 руб. до 3280 руб. Касса выдала по 20-е апрѣля 1906 г. 57 невѣстамъ 5474 рубля.

Записывать въ кассу дѣвицъ могутъ какъ лично, такъ и заочно посредствомъ корреспонденцій.

Правленіе помѣщается: въ г. Воронежѣ, близъ Митрофановскаго монастыря, „Ново-Троицкая“ гостиница во дворѣ, кв. № 7 (конка проходитъ до Правленія). Уставы выдаются бесплатно. (4—12)

XIV-й ГОДЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Мастерская художественной церковной живописи и иконостасныхъ работъ.

Въ городъ Богучарь, Воронежской губерніи.

**Почетнаго гражданина, ТИХОНА АЛЕКСѢЕВИЧА
ФРОЛОВА.**

(Учившагося въ рисовальномъ училищѣ живописи и художественно-иконостасной мастерской художника Шишкина въ С.-Петербургѣ).

Принимаетъ заказы на устройство новыхъ иконостасовъ, возобновленіе старыхъ и расписываніе живописью и орнаментами внутреннихъ стѣнъ церквей.

Иконостасы исполняются по новѣйшимъ архитектурнымъ планамъ.

Поле иконостасовъ дѣлается, по соглашенію съ заказчиками, эмалерованное и золоченое.

Въ иконостасъ образа пишутся съ имѣющихся въ большомъ выборѣ художественныхъ эстамповъ и фотографій, снятыхъ съ оригиналовъ образовъ, находящихся въ Императ. Эрмитажѣ, Академіи художествъ, Исаакіевскомъ соборѣ, храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, Кіевскомъ Влад. соборѣ, храмѣ Христа Спасителя въ Борзахъ и храмѣ св. Софіи въ Москвѣ.

Образа исполняются на золоченыхъ чеканныхъ доскахъ, толстомъ цинкѣ и стеклѣ.

Столярная, рѣзная и позолотная работа иконостаса, по желанію заказчиковъ, исполняется на мѣстѣ заказа, подъ полнымъ контролемъ заказчиковъ.

Допускается по соглашенію разсрочка платежа.

О добросовѣстно исполняемыхъ работахъ свидѣтельствуютъ имѣющіеся похвальные отзывы. (2—3).

Отъ Правленія Воронежской духовной Семинаріи.

Въ № 14 Епарх. Вѣдом. (стр. 204) вкралась ошибка. Напечатано: „ученики духовныхъ училищъ Ворон. еперхіи, удостоенные перевода въ I кл. Семинаріи, должны подать прошеніе на имя ректора о допущеніи ихъ къ испытанію на поступленіе въ I кл. Сем.“. Слѣдуетъ читать: ученики духовныхъ училищъ Воронеж. епархіи, удостоенные перевода въ I кл. Семинаріи, должны подать прошеніе на имя ректора о принятіи ихъ въ I классъ Семинаріи.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Изъ бесѣдъ съ прихожанами.—Священника *Влад. Левашева*.

По поводу одной статьи.—Священника *Іоанна Именицкаго*.

По поводу неурядицъ и волненій въ Семинаріи.—Священника *Якова Гражданскаго*.

Второе епархіальное пастырское собраніе.—Не-депутата *С. Е. П.*

Изъ впечатлѣній дня.—Священника *Г. Казьмина*.

Рѣчь, произнесенная на епархіальномъ пастырскомъ собраніи по вопросу о реформѣ духовной школы.—Священника *Григорія Чехова*.

По поводу погромовъ.

Некрологъ. († Священ. Владиміръ Ѳедоровичъ Проворскій).

Письмо въ редакцію.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *В. Борисоглыбскій*.